

Новый год, новый редактор, новая жизнь. Именно так представляется мне судьба старейшего казахстанского литературного журнала «Простор». Если литература – живая кровь культуры, то журнал – сердце, которое её качает. Искренне желаю всем авторам и читателям журнала высоких творческих вершин и неустанного поиска.

Ербол ЖУМАГУЛ

БЕЛЫМ ПО ЧЕРНОМУ ПИШЕТСЯ ПРОЗА ЗИМЫ

Из книги стихотворений «Асай-Мусей»

Асай-Мусей

порхают и пылают мотыльки
самим себе отправленные строки
а жизнь течет неправде вопреки
рок избылья пламенные сроки

на эту жизнь которая течет
в дыму иллюзий
в дымке отражений
а голова не тонет и сечет
и принимает суетность решений

булыжников затылки под водой
и сплав стальной текучки
пестроглавой
где кто балда рифмуется с бедой
а кто болван рифмуется с облавой

густые письма самому себе
возни телеспектакли камышиной
но происходит главное в судьбе
пока плыву я паровой машиной

асай-мусей сухую жгу траву
а жизнь шумит, шаманит у причала
куда я нет не скоро доплыву
в конце концов где новое начало

* * *

белым по черному пишется
проза зимы
в грубых бугристых
бурые спрятаны тени
жизнь беззаветная
солнечный слиток взаимности
птиц предрассветных
под засыпание трели
черным по белому
песни слагаются сна
музыки зыбкий и зоркий
узор озарений
ноты о том как сойти не сумею с ума
из-за ума и болезной моей
из-за лени
ветхозаветная в памяти окнах луна
будет что было
а стало быть было что будет
я из-за лени сойти не сумею с ума
если мозги на тревожном ветру
не простудит
встать потянуться
снова безудержно лечь
лепет внутри
то помятая память о ятях
шепчет об осени черная вечера речь
с белым безмолвием
в необъяснимых объятых

Музыка

это музыка нет это вряд ли музыка
 нот неладных орава
 и звуков мусорка
 столько лет какафония эта тянется
 что ушей лопухам
 все невнятной вянется
 простирайся ширее родная прерия
 кто поет какая была империя
 шапалак тебе небольшая премия
 безголосоголовые столь за пения
 а послушать сапиенса харрария
 очень скоро миру придет хана и я
 вижу как толпы мычат потеряны
 пленены масонами и бактериями
 ну а тем кто диджея сменить
 не прочтится
 надо срочно сказала
 одна пророчица
 возвернуть гармонию с полифонией
 как же не вторить мне поневоле ей
 и снабдила снадобьями
 с надбавкою
 шансов нет не восхититься бабкою
 есть живая водица
 и травка дышица
 а иначе когда чистота услышится
 а иначе зачем а иначе незачем
 если в музыке
 как таковой не мелочен
 выйдем во поле лязгнем
 на тьму туменами
 с требуютнашисердцапеременами

Окно

Пялиться, как малый, на пейзаж:
 голубей рождественский форсаж
 над холодным камнем столицы.
 Киноварь заката, снег и снег,
 точки одинокий человек,
 строками убитые страницы.

Тратя жизни легкую маржу,
 над высокой пропастью не ржу,
 не кормлю
 надеждами надменность.
 Алкоголь на выдумки хитер,
 сам себе категорично втер –
 что-то роковую про мгновенность.

И пошла писать-плясать орда,
 каждый, мол, с рожденья у одра,
 а с одра – у вечной колыбели.
 Друг мой, не пои меня виной,
 если жизнь
 сплошные мир с войной,
 то пришла пора для casus belle.

Оседлав айпадную волну,
 все спешат на новую войну,
 направлять аноды и катоды.
 Видит Бог, я сам из тех, кто весь –
 шорох спички, пылевая взвесь,
 возглас «ах», растянутый на годы.
 Но не зря глаза мои замрут:
 светится морозный изумруд
 на дрожащих геометрах стёкол.
 Я тут был, мёд-пиво раздобыл,
 половину залпом раздавил,
 языком литературно цокал.

Мчит стрела, а птах ещё поет,
 как прекрасен медленный полет
 и светлы небесные чертоги.
 Был и есть, хоть шорох или взвесь,
 слово «снедь»,
 прочитанное «днесь»,
 сердоликий камень у дороги.

* * *

я помнил себя издали смеясь
 над молодости видом несерьезным
 но чувствовал неведомую связь
 неравнодушным
 космосом со звездным

рос как сорняк тянулся как умел
 ветра терпел дождями обнимаем
 в той местности где справа
 лес шумел
 а слева степь медовым пахла раем

горел игрой голы лупил горяч
 удары множил солнечными днями
 но вышло время
 сдулся детства мяч
 а юность увлекала букварями
 прочитанными задом наперед
 заученными забыванья ради
 ни сердца ни извилин не берёт
 о сокровенном чиркая в тетради

и плыли ночи небо серебра
и слушал я повесой и поэтом
как музыка звучащая в себя
неслышанным захлебывалась
эхом

за тенью шторы прошлое давно
но край окна
глазам открыт неплохо
и опыта заметно полотно
и лепета недетская лепеха

гомером над взросленьем хохочу
чирикаю души зато не мая
как жить люблю и смерти не хочу
вблизи вблизи себя запоминая

Мартовский тетраптих

1

галдят птенцы
меж листьев мельтеша
так хорошо что большего не надо
смотреть и слушать вдумчиво дыша
неспешным размышленьем
променада

о счастье шепчет робкая трава
и новый день вступающий в права
раскинулся
над музыкой предгорной
начистоту беседея с собой
работаю как знаю над судьбой
и лщу себе улыбкой непритворной

когда окрест цветению привет
и почвы дух приметамы пригрет
гуляет ветер времени над рябью
потусторонне всходит конопля
и хочется воскликнуть мартобля
но я доволен выпавшею явью

2

цигаркою дымя для куражу
в единое догадки сочленяя
изгибами проталин поброжу
единственную книгу сочиняя

табун деревьев в пене облаков
мнет горизонт
всей тяжестью подков

стреножен сном
из вечности нездешней
сгорает взгляд от радости пуглив
на шапках гор заката перелив
чем дивнее тем паче безутешней

чилик чилик туда сюда снуёт
мозги кипят а суета суёт
и день летит кометой среди прочих
жизнь хороша особенно когда
надёжна память и рука тверда
запомнить все
и не испортить почерк

3

любовь моя любовь моя весна
пришла вода как истина большая
плыву к тебе что лодка без весла
на главное надежд не завершая

душа моя проста что хвост коня
совсем несложно разгадать меня
словарно и букварно по кроссворду
вот вертикаль а вот горизонталь
так будет вглубь
а эдак вширь и вдаль
но дальше
правда может плюнуть в морду

живу себе на всё готовый гунн
всё в голове и пена и табун
судьба и том бумаги и чернила
внизу цветет а наверху поют
и воздуха в дыхании уют
и жар глазам природа учинила

4

поют стрижи и черемша цветёт
счастливая
как весть о вечном лете
и тот кто воедино всё сведет
вернее свел тот Бог на этом свете
спасенье в мысли греющей
ведь лёд
сомнений скользких тонок
если всё те

что были клятвы
не сгорят костром
еще вовсю придумываем том
и красных строк
не высохли чернила

надежды лучник посылает луч
не застит солнца сутолока туч
и благо всё что доля начертила
на пестрых удивительных холстах
наземных дней под пение в кустах
разросшихся на этом бездорожье
чей путник без трусливой суеты
и лишних танцев прочей фуеты
иду к себе с улыбкою на роже

ну хорошо не роже на лице
а воротник на волке не лисе
и чуткий взор на отчие пейзажи
унынье гор униженность степи
луна в тенетах солнце на цепи
но снова нет отчаянью писал же

досадой опаленные слова
о доблести о чести о любви
невиданной ты только улови
дорийство восходящего с ума
и плеск реки
и ветра шум пугливый
и тишину ошеломленной глины

не музыка а пения вода
чувствовалища душевного со дна
необъяснимый трепет поднимает
природа а не живопись глазам
являет слез целительный сезам
ничто собой ничто не подменяет

я благодарность выкормил
с двух рук
за редкость жить
со взглядом в облака
и знать поёт цветение пока
у слуха не отторгнуть этот звук
и не отнять вовеки у виденья
ни трепета ни слез ни удивленья

* * *

хоть отбегал полжизни
не нажил почти ума ведь
только неги прибавить
и липких тревог убавить

за бардак и кирдык
за гарсона с пустым подносом
и за фразу козырную
родина под вопросом

за прогулку впотьмах
под затейливый бит девайса
где я был до сих пор
и куда я теперь девался
а на ярмарке дружбы я понял
в пылу деленья
что чужая душа лишь
потемкинская деревня
все соседи кто умный
в слезах от таких базаров
скоро будут мигать пулемёты
в игральных залах
и кина о войне торопясь
подойдёт декада
там в конце вместо титров
надпись хотим джихада
и проснутся солдаты уснут и
забьют гвоздики
как живые фонтаны
сквозь времени камень дикий
сквозь постылый гранит
и отчаянья злую почву
чтоб надежд запятая
опять заменила точку

Вера

нет нужды беспокоить провидца
чтоб надеяться только рывок
всё уладится всё удалится
и рутина и тремор тревог

веры с чувствами необратимой
суетливым врагом жесткачу
сорок лет с тетивою ретивой
по степям и пустыням скачу

в чапане непечатной печали
в тубетейке цветастых идей
мне волшебные птицы кричали
что-то вроде журавлебедей

я бродил среди пестрого люда
на базарах тщедушной тщеты
где шумят ароматами блюда
до зубов золотой нищеты
каждый встречный собрат
и соратник
безнадежно жаждой живой
все навеки ничем не сломать их
даже смертью с межой ножевой

соглядатай отчасти виновник
хоть из принципа бисер мечи
что там в толстых кувшинах
вино в них
что там в ножнах суровых мечи
хоть и жив будто всюду спросонок
с удивленьем усталым лица
этой скачки ещё лет на сорок
как умею прошу у Творца
вдруг и нас ненароком зацепит
благом истины видной сквозь дым
пуще пущего солнце засветит
над родным бездорожьём кривым

будет время как старое скинем
с плеч опепленных лихо легко
неспроста разливанно на синем
вдалеке облаков молоко

сквозь шумный свист
под холодильный вой
я мчал камчу с горячей головой
не знал тулпар мой отдыха летучий
но в том его любимая игра
из-под копыт блестящая искра
когда стрелой
хоть светом правят тучи

смеркается а горизонт закрыт
и ливень будней иноходь копыт
порывистою страстью обнимает
бывало всяко длинных на путях
что словно рыба в ласковых сетях
о главном голова не понимает

сомнений зерна проросли во мне
куда лечу судьбы на скакуне
по бездорожья ледяному зноу
ответственный вопросов за кусты
однажды крикнул отраженью ты
но много знаю то что мало знаю
пусть книгу звёзд
перелистал сто раз
светил высоких помню пару фраз
чуть постигал окрестные законы
но всё одно сереет вещество
когда ты видишь в зеркале того

кто сам себе
случайный незнакомый
пусть скоро ночь и не сыскать ни зги
и пламенеют музыкой мозги
еще вода ненастная уймется
рассвета обозначится труба
чтоб наконец добрался я туда
где истина как радость узнается
пейзажи там чудесны чу дес ны
ликуют о себе цветы весны
и солнце уговаривает почву
крылит гнедой
а в мыслях путь домой
но сон долой дорогой дорогой
передавая памятную почту

Из книги
«ЕРБОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ»

Закатное

А там, в окне, заптичен горизонт,
шумят крыла,
но солнца не достичь им.
Сквозь дымку сна,
сквозь сумрачный озон
нахлынувший закат евангеличен.

Пробормотав о чем-то невпопад,
прильну к стеклу небритою щекою.
Простуженный и медленный набат
церквушки тощей слышен за рекою

(церквушки кроме, берегу тому
принадлежит лишь
куцый перелесок).

На черствый снег стекающую тьму
фонарный рой отталкивает, резок.

У времени – привычный паралич,
ни бега, ни унылого тик-така,
и от распада мир спасает лишь
густая метафизика заката;
и пробует пространство на зубок
моих словес
младенческую мякоть,
а надо всем свидетельствует Бог
и метит не стесняющихся плакать.

